

Вступление.

В 2015 году научной общественностью отмечалось 400-летие политической экономии. Вернее сказать, это был не юбилей возникновения науки так таковой¹, а круглая дата со времени выхода книги Антуана де Монкретьена «Трактат о политической экономии», которая увидела свет в 1615 году. Но в европейской традиции так уж повелось считать, что современная экономическая наука зародилась в XVII веке. Срок, конечно, не малый, но, по справедливости говоря, и сегодня экономическая наука временами ещё напоминает средневековую алхимию, нежели «настоящую» научную дисциплину.

Это заметно даже на уровне базовых определений. Приведу в доказательство всего один пример. Изучение любой науки начинается с вопроса – что есть предмет её исследования. Вот как дает на него ответ весьма добросовестный автор в рамках курса «Основы экономической теории»²:

«Существует несколько определений предмета экономической теории, или как ее называли до недавнего времени, политической экономии:

- *эта наука о видах деятельности, связанных с обменом и денежными сделками между людьми; - эта наука о повседневной деловой жизнедеятельности людей, извлечении ими средств к существованию и использованию этих средств;*
- *эта общественная наука, которая изучает поведение людей и групп людей в производстве, распределении, обмене и потреблении материальных благ;*
- *эта наука о том, как человечество справляется со своими задачами в области потребления и производства;*
- *эта наука о богатстве;*
- *эта наука о законах, управляющих производством и обменом материальных благ на различных этапах развития общества (Энгельс);*

¹ Всё-таки, по экономической теории известны гораздо более древние труды. Скажем, Конфуция, Аристотеля или Ксенофонта, который, собственно, и ввел в обиход термин «экономика». Первым же собственно политэкономическим трактатом следовало бы считать созданный в Китае «Хэ Гуань-цзы», который датируется от IV до II вв. до н.э.

²Ермишин П.Г. «Основы экономической теории, курс лекций». <http://www.aup.ru/books/m63/1.htm>

- *А. Маршалл сводит предмет науки к исследованию богатства, стимулов к действию человека и мотивов противодействия;*
- *эта наука, которая занимается общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства и т.д.*

Мир экономики очень сложен. В нем взаимодействуют миллионы людей, отраслей хозяйства, предприятий, цен на товары и услуги. Отсюда и пестрота в определении предмета науки.

Скорее ясно, чем не занимается эта наука:

- *она не является экономикой домоводства;*
- *она не является наукой об управлении предприятиями и не раскрывает секретов, как заработать миллионы;*
- *она не является технической наукой»*

Таким образом, экономическая теория может изучать практически что угодно. К перечисленному списку можно добавить совсем уж экзотические определения. Так, на взгляд профессора Лондонского университета Роббинса (это 1930-е годы) экономическая теория является одним из разделов некоей всеобщей науки о рациональной деятельности. Самуэльсон и его последователи одно время полагали, что экономическая теория – это наука о принятии решений государством. Список можно продолжать едва ли не бесконечно.

Не лучше дело обстоит и с более конкретными понятиями. Считается, что определений маркетинга существует около двух тысяч (может сейчас уже и больше). В теории управления и сфере финансов дело обстоит получше, но тоже попадаются казусы. Даже на уровне базового понятийного аппарата царит редкий плюрализм, если не сказать – бардак, что естественным образом влияет на все теории и концепции: на первый взгляд ученые мужи говорят и пишут об одном и том же, но по факту каждый автор имеет в виду что-то своё, порой не до конца понятное даже ему самому.

С одной стороны, это неплохо, ибо свидетельствует о том, что в экономической науке продолжается активное накопление знаний и полным ходом реализуется творческий процесс. С другой стороны, очевидно, что в экономической теории еще не было не только своего Ньютона, который бы «разложил всё по полочкам» и создал бы комплексную и непротиворечивую теорию, но даже и Галилея, который бы эти полочки куда-нибудь прибил.

Пока экономисты действительно больше напоминают алхимиков, одни из которых ищут философский камень – абстрактную «меру всех вещей», которая позволит все описать объяснить и смоделировать, другие варят в полнолуние жаб и змей, придумывая несколько сотен объяснений одному и тому же факту, третьи погружаются в нумерологию, пытаются создать волшебную формулу, по которой можно было бы гарантировано разбогатеть. Словом, кто во что горазд.

Так что экономика сегодня – ещё вполне оккультная наука, но замечу при этом, что именно из алхимии в конечном счете выросла и современная физика, и химия, и металлургия, и многие другие прикладные дисциплины. Так что физикам и химикам не стоит особенно задирать нос! Впрочем, и экономистам тоже не стоит этого делать, а самое время озаботиться тем, чтобы попытаться упорядочить накопленные знания, а также отбросить очевидные заблуждения и не подкрепленные практикой фантазии.

Чему, собственно, и посвящена данная монография.

Книга первая: Критика.

Последние несколько десятилетий одним из основных трендов в экономической науке был поиск продуктивного междисциплинарного синтеза. С чем только не пытались соединить экономическую теорию, чтобы сделать её более адекватной реальности: с социологией, психологией, историей, культурологией, даже географией.

Я честно сказать и сам долгое время думал, что будущее экономической теории лежит в сфере междисциплинарных исследований. Однако, в данном случае как нельзя к месту известное изречение Шумпетера:

«Поставьте в ряд столько почтовых карет, сколько пожелаете – железной дороги у вас при этом не получится».

Никакие междисциплинарные исследования не помогут решить внутренних проблем экономической теории, главная из которых состоит не в сложности измерений, невозможности количественного описания функции полезности, или, скажем, корректного вычисления прибавочной стоимости, а в том, что ни *одна из существующих экономических школ не смогла до сегодняшнего дня создать комплексного и непротиворечивого описания объекта исследования.*

Хотя, как минимум две из них: марксисты и неоклассики регулярно заявляют о том, что они как раз единственные описали все процессы общественного производства, постигли тайны экономической динамики, а все потому, что нашли Священный Грааль, воплощенный в тех или иных идеологических догматах.

Давайте более внимательно рассмотрим, на каких вопросах в действительности фокусируются основные современные экономические школы. В связи с тем, что экономических школ в настоящее время имеется великое множество, их пришлось сгруппировать. Получилось три больших группы.

№1. Школы «рационального выбора».

Сюда зачислены классическая школа политической экономии, неоклассики, а также «австрийцы», кейнсианцы, ордолибералы и т.д. Все они в своих теоретических построениях исходят из общей идеи, основанной на рациональном выборе потребителей, производителей, инвесторов и т.д. Хотя при этом кейнсианство вроде бы активно полемизирует с неоклассиками, однако, никто не отрицает исходного постулата об эффективном

распределении ресурсов через те или иные инструменты (рыночные, нерыночные, какие угодно), в конечном счете, основанные на «рациональном выборе». Соответственно, изучать экономическая наука должна в основном «рациональный выбор» и все феномены с ним связанные.

№2. Марксизм, «историческая школа» и институционализм.

Марксисты, историческая школа и институционалисты не считают проблему «рационального выбора» первоочередной задачей политической экономии, а предлагают свою идеологию описания и анализа экономических явлений. Основное внимание по мнению данных школ следует уделять социальным, политическим, историческим, культурным и иным отношениям, складывающимся в процессе осуществления общественного воспроизводства. Опять же, марксисты совершенно по своим воззрениям не похожи на «историков» или институционалистов, а последние вообще не являются монолитным течением – этим термином в западной традиции часто понимается огромное множество направлений, которые не относятся ни к школам «рационального выбора», ни к марксизму.

№3. Не идеологические» школы.

К данной группе отнесены теории и концепции, не имеющих ярко выраженной идеологической окраски. Их мы назовем «неидеологическими», потому что они чаще всего не затрагивают обсуждение идеологических вопросов, традиционных для политической экономии. Яркий пример - макроэкономисты и эконометристы. Также к этой группе можно отнести теорию управления, а также специализированные концепции, создаваемые на стыке экономики и других дисциплин: математики, социологии, психологии и т.д.

Ниже в Таблице 1 представлены результаты анализа, на каких процессах общественного воспроизводства³ и задачах экономической динамики в действительности фокусируются основные экономические школы.

³ Термин общественное воспроизводство здесь и далее понимается в самом широком смысле: как совокупность социально-экономических процессов, обеспечивающих жизнедеятельность и развитие общества.

Таблица 1.

Объект изучения	Экономические школы				
	Школы «рационального выбора»	Классики и марксисты	Историки и институционалисты	Макроэкономисты	Иные «не идеологические» школы
<i>1. Статика: описание процессов общественного воспроизводства</i>					
Производство	+	+	+	+	+
Потребление	+				+
Обмен	+	+	+	+	+
Распределение	+	+	+	+	
Присвоение		+			
Управление			+		+
<i>2. Динамика: анализ общественного воспроизводства во времени</i>					
Расширенное воспроизводство		+		+	
Проблемы экономического развития и цикличность	+	+		+	+
Экономическая история		+	+		

Из Таблицы 1 очевидно, что ни одна из существующих сегодня теоретических школ не может обоснованно претендовать на описание всего воспроизводственного процесса. Что бы там не говорилось в панегириках и предисловиях к юбилейным изданиям классиков. К сожалению, на сегодняшний день не существует единой концепции, которая могла бы органично увязать все существующие продуктивные идеи.

И, немного забегаая вперед, хочу сказать, что ровно эту задачу данная монография перед собой и ставит!

Но не менее очевидно, что с точки зрения политики и идеологии (особенно вспоминая непростую историю XIX-XX веков) всеобъемлющая и «единственно верная» экономическая теория была крайне востребована, как на Западе, так и на Востоке. А имея также ввиду тот факт, что политики и идеологи не могут ждать, пока ученые мужи до чего-нибудь договорятся и найдут, наконец, истину, это вполне очевидно привело к тому, что к концу XIX века ключевые «идеологически правильные» концепции были крайне упрощены, отредактированы (иногда до состояния «телеграфного столба») под нужды текущего политического момента и затем канонизированы в виде

Абсолютного Знания. В результате мы получили «экономикс» с одной стороны и вульгарный марксизм с другой. И это, наверное, самое худшее что могло произойти с экономической наукой, ибо объективность и добросовестность регулярно приносилась в жертву политической целесообразности.

В результате существенно затормозилось продуктивное развитие как неоклассического, так и марксистского направлений, да и всей науки в целом⁴. Именно поэтому сегодня ни одна из ведущих теоретических школ не в состоянии адекватно объяснить и интерпретировать экономические реалии. И не только потому, что за прошедшие 150 лет в экономике появилось что-то такое, чего не было в то время, когда они создавались, хотя и это обстоятельство тоже имеет место. Главной проблемой на сегодня является то, что упрощенные, идеологизированные (а если прямо говорить – кастрированные) версии и неоклассики, и марксизма вступают во внутренние логические противоречия со своими же собственными постулатами. То есть, концепции получились именно что *внутренне противоречивыми*.

Ниже приводится два характерных примера. Для симметрии: один из неоклассики, другой – из марксизма.

1.1. Неоклассика: «общая теория неравновесия» или микроэкономический ревизионизм.

Военный анекдот:

Генерал (распекает прапорщика): почему батарея не стреляла!?

Прапорщик: товарищ генерал, имеется несколько причин.

Генерал: назовите хотя бы одну!

Прапорщик: во-первых, не было снарядов.

Ядром неоклассической теории является концепция рыночного равновесия, сформулированная Альфредом Маршаллом в “Принципах экономической науки”⁵ в 1891 году. Надо сказать, что концепция эта очень изящная и её можно было бы признать совершенной, если бы не одно обстоятельство – зафиксировать на практике процесс балансирования спроса и предложения получается не всегда. А вернее сказать, в большинстве случаях просто не получается.

⁴Гораздо лучше чувствовали себя институционалисты, и представители «не идеологических» школ, но только потому, что занимались локальными проблемами и не посягали на идеологические догматы.

⁵Текст доступен по [ссылке](#)

Немало расстроенные этим фактом экономисты придумывают десятки объяснений. Если их обобщить и сгруппировать, то мы получим три следующих основных предпосылки, необходимых для того, чтобы модель рыночного равновесия действовала в полном объеме:

- Потребитель ведет себя рационально
- Производитель ведет себя рационально и имеет возможность сравнительно свободно и в широких пределах наращивать производство
- Сделки на рынке осуществляются в условиях *совершенной конкуренции*.

По каждому из перечисленных пунктов, можно развернуть отдельную дискуссию, но наиболее уязвимым местом для критики является, прежде всего, концепция совершенной конкуренции. В современном изложении⁶ она выглядят следующим образом:

"Совершенная конкуренция — это рыночная структура, при которой:

1. *Продавцы принимают цены как данные и не могут осознанно на них влиять*
2. *Доступ в отрасль новых участников (как продавцов, так и покупателей) ничем не ограничен.*
3. *Продавцы не вырабатывают совместной стратегии.*
4. *Покупатели не способны влиять на цены*
5. *Всем участникам торговли доступна полная рыночная информация*

*Рыночную структуру, при которой выполняются первые четыре признака, называют **чистой конкуренцией**. Нарушение одного из признаков ведет к **несовершенной конкуренции**"*

Некоторые направления неоклассической школы формулируют их немного иначе. Объединяют первое и третье предположение, и добавляют, что условием совершенной конкуренции является операции с *однородными, взаимозаменяемыми партиями товаров одинакового качества*.

⁶Емцов Р.Г., Замков О.О., Лукин М.Ю., Черемных Ю.Н. "Микроэкономика" лекционные материалы, Москва, Изд-во МГУ 1997 г. стр. 51.

Естественно, возникает вопрос: насколько часто встречается описанная ситуация? Ответ – очень редко. На рынке не должно быть ни монопольного сговора, ни предварительных соглашений между производителями или потребителями, товары не должны различаться по маркам, для их продвижения не должна использоваться реклама и т.д., и т.п. И самое главное – потребитель должен обладать всей полнотой информации о имеющихся товарах и ценах на них. Во всяком случае, иметь возможность её получить в сжатые сроки и без дополнительных затрат.

Современный мир, даже в период «угара глобализации» всё равно был мало похож на описанную модель. Не говоря уже о 1930-1950-х годах, когда монополизация мировой экономики достигла своего пика. Возможно, в конце XIX века дело обстояло несколько иначе, но факт остается фактом – концепция совершенной конкуренции в настоящее время представляет собой по большей части теоретический интерес. Однако, на ее основе базируется утверждение о том, что рынок стремится к равновесию, на основании чего, в свою очередь, строятся многие концепции экономической политики и государственного регулирования.

Обычно адепты неоклассицизма при этом добавляют следующую фразу: пусть товарные рынки не особенно вписываются в модель совершенной конкуренции, но зато финансовые почти полностью ей соответствуют! Это обычно действует на аудиторию, правда, в основном, на студентов, или людей, совершенно не знакомых с финансовым рынком. Но бог с ними с идеологическими ухищрениями.

Для наших целей предположим, что совершенная конкуренция у нас есть, и неоклассическая модель может действовать в полном объеме. А теперь давайте повнимательнее посмотрим, как, собственно, она работает и какие при этом получаются результаты.

Для этого нам придется кратко коснуться базовых положений неоклассической концепции.

1.1.1. Теория поведения потребителей и спрос.

Теорию потребительского поведения (иногда еще называется теория потребительского выбора) современная неоклассическая школа формулирует следующим образом:

1. Потребитель имеет определенные индивидуальные вкусы и предпочтения. При этом его предпочтения подчиняются определенным закономерностям. Пиндайк и Рубинфельд⁷ описывают это так:

“Теория поведения потребителя начинается с трех основных предположений, касающихся предпочтений потребителем одного набора товаров другому.

Первая предпосылка заключается в том, что предпочтения уже сформировались ...

Вторым важным предположением является то, что предпочтения транзитивны, то есть, если потребитель предпочитает набор А набору В, а набор В набору С, то набор А он предпочтет С.

Третье предположение гласит, что все товары хороши (то есть, желательны), и, оставив в стороне стоимость, потребители всегда предпочитают большее количество товара меньшему...“.

2. Потребитель ограничен в средствах и не может одновременно удовлетворить сразу все потребности.

3. Каковы бы ни были предпочтения потребителя и бюджетные ограничения, потребитель будет делать такой выбор, который обеспечивает максимально возможную полезность.

Придаться вроде бы не к чему. Тем не менее, главное уязвимое место данной концепции – это предположения относительно предпочтений потребителя.

Очевидно, что основой мотивации потребителя является *интерес*, или стремление удовлетворить имеющиеся потребности с наименьшими затратами ресурсов (в конечном счете – денег). Однако это далеко не единственный мотив. В ряде случаев внешняя среда может существенным образом определять поведение человека или коллектива. В отношении потребления это может принимать следующие формы⁸:

- *экономическое принуждение*, являющееся прямым следствием ограниченности ресурсов. Потребитель, возможно, и хотел бы носить модную обувь, но вынужден довольствоваться моделью «прощай молодость», так как бюджет не позволяет.

⁷“Микроэкономика” Р. Пиндайк, Д. Рубинфельд; Москва изд-во “Экономика”, “Дело” 1992 г.; с 67-68

⁸ В.В. Радаев «Экономическая социология», «Аспект-пресс», Москва, 1998 стр. 65-67.

- *технологическое принуждение*. Выражается в зависимости человека от условий труда. Например, работая на заводе или в конторе в режиме «с девяти до шести», вы при всем желании не сможете посетить интересующую вас распродажу, проходящую во время вашего рабочего дня на другом конце города.
- *внеэкономическое принуждение*. Выражается в социальных нормах, или общественных ограничениях. Например, потребление модных товаров и услуг – это не просто удовлетворение неких эстетических запросов человека, это часть образа жизни: если, например, предприниматель не будет одеваться определенным образом, то ему будет трудно осуществлять свой бизнес, договариваться с партнерами и т.д. Юн Эльстер в одной из своих работ это сформулировал довольно образно:

«Социальная норма – это не такси, из которого можно выйти, когда захочешь. Те, кто следует социальной норме, связаны ею и тогда, когда это не в их интересах»⁹

Таким образом, микроэкономические допущения относительно поведения потребителей следует осторожно распространять на «все случаи жизни». Вновь обратимся к Эльстеру:

«Существует точка зрения, согласно которой одни действия рациональны, а другие - обусловлены нормами. Более точная и адекватная формулировка гласит, что обычно действия предпринимаются под влиянием интересов и норм...

Иногда рациональность блокирует социальную норму. И наоборот, социальные нормы могут блокировать рациональный выбор»¹⁰

Таким образом, ограничения всегда серьезно влияли и влияют на поведение потребителей. Но, обратите внимание, данный вопрос совершенно не находит отражения в большинстве учебников по экономической теории! Он не то, чтобы отрицается (никто не будет подставляться и отрицать очевидное), но по возможности игнорируется.

А между тем именно включение ограничений в общий микроэкономический анализ даёт очень важные результаты. Рассмотрим на конкретном примере.

⁹ Эльстер Ю. «Социальные нормы и экономическая теория» Thesis, 1993, т. 1, вып.. 3 стр. 80.

¹⁰ Там же, стр. 76.

Начнем, как водится, с функции полезности. Не одно поколение исследователей сломало голову в поисках определения и описания этой самой функции, которая по идее является ключом к построению кривой спроса. Но поскольку желаемого прорыва на этом направлении не случилось, то и кривые спроса по сей день остаются теоретической субстанцией, данной нам в смутных, но устойчивых ощущениях, а определение функции полезности выглядит завораживающе, но совершенно непонятно.

Ниже приводится краткий математический конспект, который озвучивается практически без изменений во всех учебниках и лекционных курсах¹¹:

$U = F(x_1, x_2, \dots, x_n)$ - функция полезности как функция многих переменных.

Существуют различные наборы благ, которые могут быть оценены по тем же переменным x_1, x_2, \dots, x_n . Если набор X предпочтительней набора Y , то это означает, что $U(X) > U(Y)$.

Иными словами, речь идет о транзитивности наборов благ, что в реальной жизни выполняется не всегда.

Функция полезности имеет два важнейших свойства:

1) Возрастание по каждой переменной. То есть, частные производные U по всем переменным x_1, x_2, \dots, x_n больше нуля.

2) Убывание предельной полезности. То есть, вторые частные производные по каждой переменной x_1, x_2, \dots, x_n меньше нуля.

Из этого следует, что для двух товаров T_1 и T_2 карта кривых безразличия примет вид:

$$T_1 = a/T_2 + b$$

или, в графическом изображении:

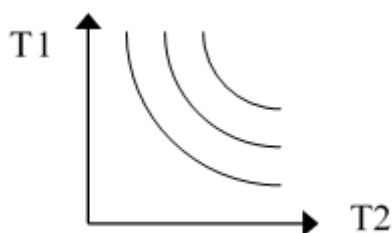

Рис. 1

Итого, в теории мы получаем базу для построения кривых спроса с помощью бюджетной линии. Но, к сожалению, не на практике.

¹¹ Приводится по: Емцов Р.Г., Замков О.О., Лукин М.Ю., Черемных Ю.Н. "Микроэкономика" лекционные материалы, Москва, Изд-во МГУ 1997 г.

Примечание:

В данном контексте нельзя не упомянуть о проблеме измеримости функции полезности. На практике параметры a и b не могут быть определены с помощью каких-либо объективных методов и измерений. Более того, в экономической теории сегодня нет единого мнения в отношении того, является ли функция полезности в принципе количественно измеримой (или кардиналистской). То есть потребитель может четко сказать не только что он предпочитает, но и может оценить количественно насколько (в денежных единицах, или условных единицах полезности) один из уровней удовлетворенности (благополучия) отличается от другого.

Однако, не всегда это условие может выполняться. Тогда функцию полезности рассматривается как ординалистская. В этом случае потребитель может оценить только общий ранг того или иного набора товаров, но не может определить, насколько один набор лучше другого.

Итого, функция полезности либо вообще не определима, либо определима в непонятных "условных единицах", которые реально измерению не поддаются. Поэтому, несмотря на все теоретические достижения, практически и полезность, и строящаяся на ее основе кривая спроса остаются слабо применимыми в реальной жизни. В итоге определение характера спроса производится в основном эмпирическими методами, большинство из которых, в конечном счете, являются вариациями проверенной веками практики "пальцем в небо".

Однако, в рамках нашего примера рассмотрим задачу таким образом, как будто бы мы знаем, как измерить полезность и соответственно построить кривую спроса. Но в отличие от большинства учебников добавим еще один параметр: ограничения. Пока нас не очень волнует их природа, они могут быть вызваны чем угодно. Но факт остается фактом – никакой товар или услуга не может давать потребителю неограниченного удовлетворения, и значит наступит тот предел, когда он просто будет ему больше не нужен.

В самом простом случае ограничения можно отразить как прямые, параллельные осям координат. Будем считать, что они достаточно

существенны, чтобы помешать потребителю в неограниченном наращивании количества потребляемых товаров или услуг.

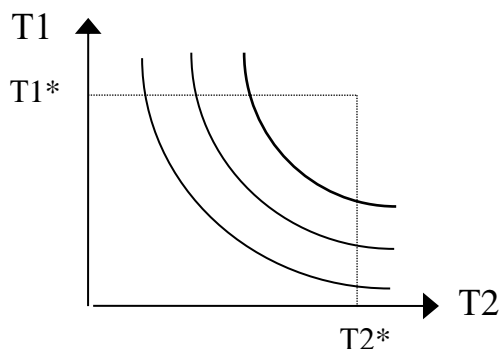

Рис. 2

$T1^*$ и $T2^*$ показывают предельное количество товаров (наборов товаров и услуг) $T1$ и $T2$, которое потребитель готов потреблять. Вместе с осями координат они ограничивают поле реального выбора, которое существенно отличается от классических микроэкономических представлений.

Если теперь мы попробуем совместить это с соответствующими бюджетными линиями, то получится следующее:

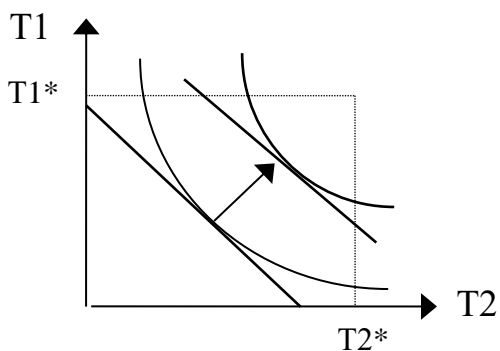

Рис. 3

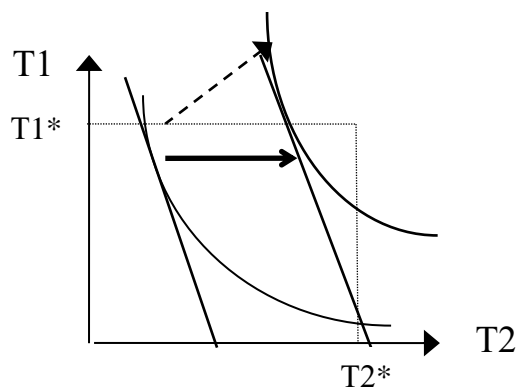

Рис. 4

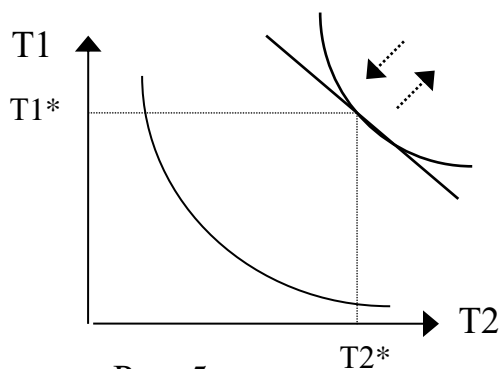

Рис. 5

На рисунке 3 изображена ситуация, совпадающая с традиционной микроэкономической теорией. Пока потребитель находится далеко от границ, все вполне соответствует неоклассической концепции. Стрелкой показано направление изменения потребляемого количества товаров T1 и T2 с ростом дохода (падением их цен, что одно и то же).

Рисунок 4 иллюстрирует ситуацию, когда по одному из товаров (наборов) потребитель выходит на границу возможного потребления. Видно, что в этом случае будет иметь место угловое решение, которое отличается от оптимального. Пунктирной стрелкой обозначено направление, в котором должно было бы возрастать потребление товаров T1 и T1 с ростом дохода без внеэкономических ограничений, а непрерывной стрелкой - фактическое направление роста потребления (только по T2).

На рисунке 5 показана ситуация, когда по обоим товарам достигнут максимально допустимый уровень. И здесь любое увеличение дохода не приводит к росту потребляемого количества, так как эволюционным путем расти дальше некуда. Складывается парадоксальная ситуация: в данном случае любой дальнейший рост дохода приводит к увеличению цен, а не к росту потребляемого количества.

Как повлияют указанные ограничения на формирование кривой спроса? Оценим это на примере с числами. Предположим, что для товарных наборов T1 и T2 существует три кривые безразличия функции полезности (U1, U2, U3), которые описывается следующими уравнениями:

Таблица 2.

Уровень полезности	Кривая
U1	$T1 = 10/T2 + 2$
U2	$T1 = 11/T2 + 5$
U3	$T1 = 12/T2 + 6,5$

Предположим также, что цена T1 = 5 рублей, а цена T2 = 8 рублей, а соответствующие бюджетные линии имеют вид:

Таблица 3.

Уровень дохода (руб.)	Бюджетная линия
50	$T1 = 10 - 1,6 * T2$
67	$T1 = 13,39 - 1,6 * T2$
104	$T1 = 20,8 - 1,6 * T2$

Ограничения на потребление составляют по товару $T1$ не более 9 единиц, а по товару $T2$ - не более 8. То есть $T1_{max} = 8$, $T2_{max} = 8$. Найдем точки пересечения (касания) кривых безразличия и соответствующих бюджетных линий. Для этого необходимо приравнять первые производные обеих функций. Опуская технику расчета, приведем только конечные данные:

Таблица 4.

Пересечение кривых	Точка ($T1$; $T2$)
$U1$ и Д-50	$T1 = 6$; $T2 = 2,5$
$U2$ и Д-67	$T1 = 9,19$; $T2 = 2,62$
$U3$ и Д-104	$T1 = 9$; $T2 = 8$ (не оптимальное)

В случае пересечения $U1$ и бюджетной линии с доходом 50 (Д-50) мы имеем классическую микроэкономическую ситуацию. Когда пересекаются $U2$ и Д-67, то по $T1$ оптимальный уровень становится больше “разрешенного” внеэкономическими ограничениями. Если последние непреодолимы, то с неизбежностью следует ситуация, когда потребление $T1$ упадет до 8 единиц, а потребление $T2$ должно возрасти до 3,66 единиц для того, чтобы сохранить прежний уровень полезности¹². Если посмотреть на то, как изменятся затраты потребителя в этом случае, то:

- 1) Экономический оптимум: $D = 5 * 9,19 + 8 * 2,62 = 66,91$ (руб.)
- 2) Внеэкономический оптимум: $D = 5 * 8 + 8 * 3,66 = 69,28$ (руб.)

То есть, потребителю придется потратить на 2 рубля 37 копеек (или на 3,5%) больше, чтобы сохранить тот же уровень удовлетворенности.

Но это еще цветочки по сравнению с ситуацией №3. В этом случае увеличить потребление ни одного из товаров невозможно. Поэтому, любое

¹²Из уравнения $T1 = 11/T2 + 5$ при $T1 = 8$.

дальнейшее повышение дохода ведет не к увеличению потребляемого количества, а только к повышению цен. Например, в начальный момент времени, бюджет потребителя составлял 104 рубля. Пусть его возможности возросли до 120 рублей. Если бы не существовало границ, вполне вероятно, что потребитель увеличил бы количество товаров Т1 и Т2. Но поскольку это невозможно, происходит обычный рост цен. Теперь построим кривую спроса на товары Т1 и Т2. Для этого у нас уже есть все данные, только надо будет переформулировать условия: вместо увеличения дохода происходит снижение цен. Естественно, для простоты предположим, что оно одинаково затрагивает и Т1 и Т2. Темп роста дохода, поэтому, приравняем к темпу падения цены и пересчитаем новые цены.

Таблица 5.

Доход	Цена Т1	Кол-во Т1	Цена Т2	Кол-во Т2
50	5	6	8	2,5
67	3,7	8	5,8	3,7
104	2,4	8	3,8	8
120	2,1	8	3,3	8

Графики же получаются такие:

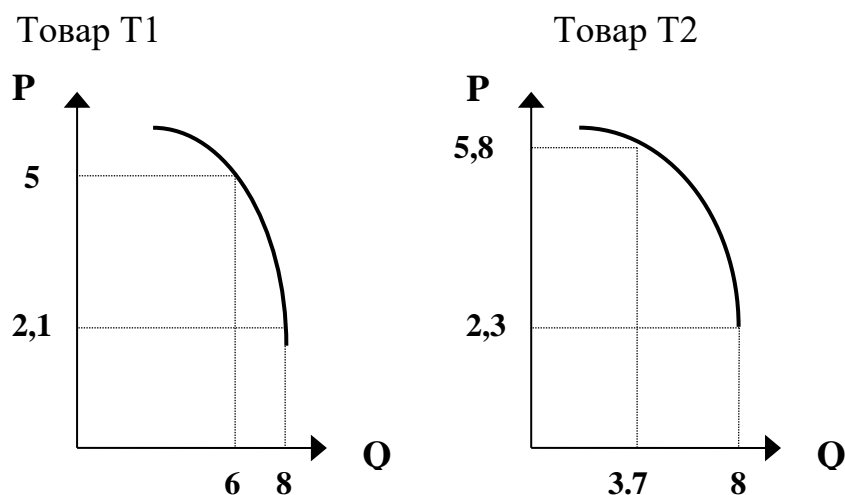

Рис. 6

То есть, кривые спроса получаются загнутыми **совсем в другую сторону!** Справедливости ради надо сказать, что в микроэкономике такой случай предусмотрен, но там он увязывается, прежде всего, с физической невозможностью наращивать потребление, и объявляется уникальным случаем, на который не стоит обращать внимание. Однако, данное утверждение не вполне верно. Потому, что помимо физических ограничений

существует масса барьеров социального и культурного характера. И они оказывают несравнимо большее влияние на поведение потребителей.

1.1.2. О здравом смысле производителя.

Если мысль о том, что потребитель часто ведет себя нерационально обычно не отрицается, то в отношении поведения производителей долго бытовало прямо противоположное мнение. Даже сегодня почему-то считается, что все отклонения от оптимального поведения фирмы возникают вследствие плохого управления, некомпетентности и прочих человеческих пороков. То есть опять же исключение, чаще всего – следствие некомпетентности, недостаточной информированности и разного рода случайных факторов. Отчасти такое заблуждение поддерживают и сами компании, когда устами своих первых лиц и PR-менеджеров непрерывно твердят о том, что «у нас все хорошо и позитивно».

Однако, на практике дело обстоит иначе. И дело не только в том, что, например, микроэкономическая теория полагает производителя рациональным и добросовестным экономическим агентом, а на практике дело обстоит совершенно иначе: сложная структура собственности и управления в большинстве компаний подчас не оставляет места ни тому ни другому. В итоге вместо непрерывной оптимизации издержек и наращивания выпуска акционеры конфликтуют между собой, а менеджеры воруют и просто бестолково управляют. Есть причина более общего порядка, которая нас, собственно, и будут интересовать: оптимальное поведение производителя возможно в рамках ситуации совершенной конкуренции. А если совершенной конкуренции нет, то производитель просто не может себя вести оптимально – и значит невозможно достичь теоретического оптимума. Причины все те же, что и в случае со спросом: отсутствие полной информации и вытекающее из него несовершенное понимание ситуации. На которое, конечно же, накладываются упоминавшиеся выше факторы.

В результате мы получаем совершенно иную картину, нежели нам её рисует неоклассическая теория. Разберемся.

В самом общем виде издержки на производство определенного объема продукции могут быть представлены как комбинация двух факторов: труда (L) и капитала (K). Это хорошо известные по учебникам микроэкономики изокосты:

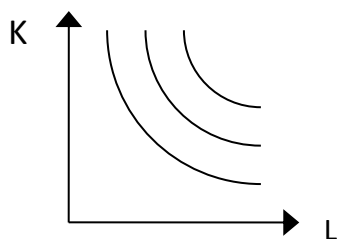

Рис. 7

Каждая кривая соответствует определенному уровню выпуска продукции, а каждая точка на кривой - определенной технологии производства. Переход с одной кривой на другую может означать как экстенсивное изменение масштаба бизнеса (например, расширение производства, или поглощение конкурентов), так и совершенствование технологии производства. В теоретическом плане определение этих кривых трудностей не представляет, хотя в некоторых случаях понять, где кончается капитал и начинается труд бывает затруднительно, особенно в сфере услуг. Не представляло бы никаких трудностей это и на практике, если бы сформулированные выше проблемы с совершенной конкуренцией и рациональным поведением производителя. Если попробовать графически представить указанное расхождение между микроэкономической теорией и практикой, то картинка получится следующая.

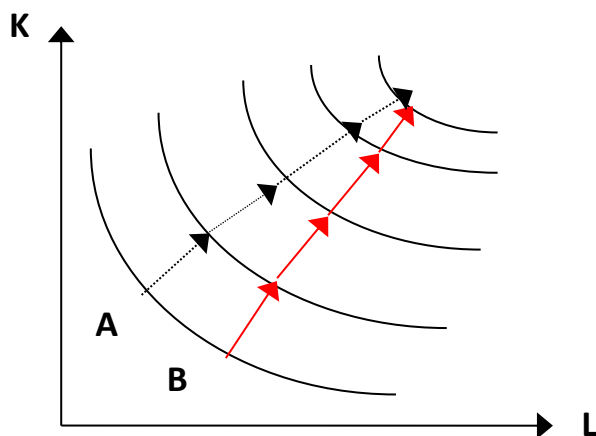

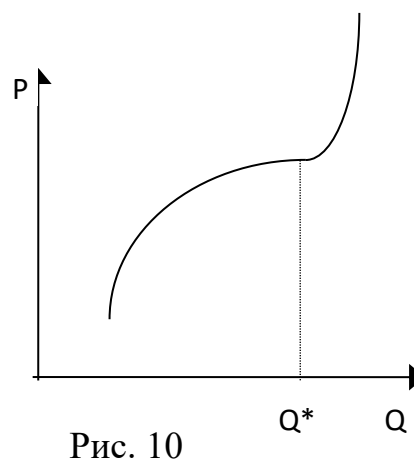
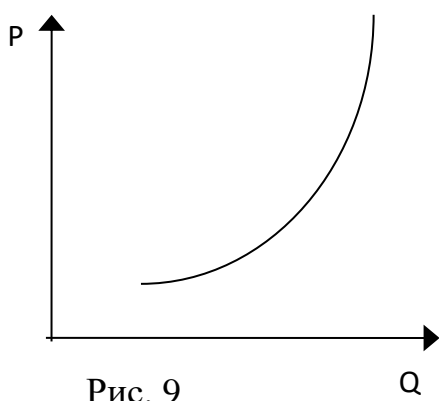
Рис. 8

Оптимальный путь наращивания объемов производства с точки зрения неоклассической теории обозначен литерой А (пунктирные стрелки черного цвета). Такое использование факторов производства имело бы место при полноте информации и полностью соответствовало бы неоклассической модели. Реальное использование ресурсов в процессе увеличения предложения обозначено литерой В (сплошные стрелки красного цвета). Я

нарисовал «путь». Смысл в том, что, принимая неоптимальные хозяйственные решения, производитель сдвигается по изокосте вправо или влево от оптимума. В конечном итоге это выражается в дополнительных, “избыточных” издержках на производство продукции, а значит - влияет на кривую предложения.

На рисунке 8 видно, что по мере наращивания объемов производства точки А и В будут сближаться. Этому есть вполне рациональное объяснение. Во-первых, доля “избыточных” издержек в общих издержках с ростом объемов выпуска падает, так как в обычной ситуации “избыточные” издержки растут медленнее, чем постоянные. Например, вы открыли фирму и устроили туда племянницу начальника налоговой службы на большой оклад, хотя она так ни разу на работу и не пришла. Если дела пошли в гору, и обороты увеличились в 10-20 раз, то вряд ли ее зарплата возрастет в такой же степени, хотя, конечно, всякое бывает. Во-вторых, с ростом масштаба производства объективно возрастают издержки на управление, транзакции и т.п. Поэтому, не исключено, что часть “избыточных” издержек войдет в “необходимые” вполне эволюционным путем.

Перейдем теперь к кривой предложения. «Путь» А характеризует классическую кривую предложения, которая имеет форму близкую к экспоненте (рис. 9), а кривая предложения выстроенная по «пути» В будет иметь несколько более сложную форму (рис. 10).

Величина Q^* характеризует тот объем производства, когда “избыточные” издержки в нашем примере перестают играть существенную роль. Сравнение рисунков 9 и 10 дает нам понимание того, насколько сильно меняется неоклассическая модель кривых предложения. Необходимо также отметить следующее:

- кривая предложения в верхней своей части, в конечном счете, принимает вертикальную форму, вследствие закона предельной производительности.
- то же самое можно сказать несколько слов о нижней части кривой предложения. В микроэкономической теории предполагается, что кривая предложения начинается от конкретной точки, соответствующей минимально возможным издержкам самого продвинутого производителя. Однако, в реальности это верно далеко не всегда. Например, если производство того или иного товара (услуги) имеет значение для всего общества, то в ход могут идти внеэкономические соображения, дотации или просто благотворительность. Например, похоронные услуги подчас весьма дороги, но в любом случае ни один покойник не остается не погребенным. Поэтому можно говорить о том, что кривая предложения на похоронные услуги в нижней своей части будет иметь бесконечную эластичность.

1.1.3. Четыре случая полного «эквилибриума».

Слово *эквилибриум* (лат. «равновесие»), несомненно, является любимым для неоклассиков. Львиная доля Нобелевских премий по микроэкономике даны за нахождение и обоснование того или иного *эквилибриума*, доказательство того, что даже если *эквилибриума* мы почему-либо не наблюдаем, он все равно где-то существует, защиту от посягательств сил зла на *эквилибриум* и все в таком духе. Поэтому, я четко отдавал себе отчет, что покусился на святыни, но, несмотря ни на что, все же приглашаю читателя принять участие в этом кошунстве. Итак, мы имеем уточненные нами кривые спроса (D) и предложения (S). Давайте, теперь их соединим и посмотрим, что из этого получится.

Начнем с *классического* случая. У нас он будет выглядеть следующим образом (рис. 11)

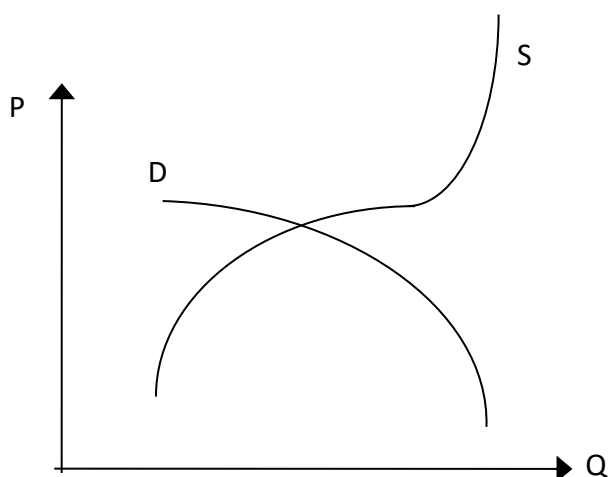

Рис. 11

На первый взгляд совершенно ничего не отличается, особенно, если в части пересечения кривые спроса и предложения близки к линейным. Проблемы возникают в случае, если этого не происходит. Исходя из формы кривых и предпосылок паутинообразной модели, можно сделать выводы о поведении цен. Чтобы не утомлять читателя графиками, представим данные в табличной форме.

Напомню, что форма паутины определяется сравнением наклона кривых относительно оси абсцисс (чем больше угол касательной, тем круче кривая и меньше эластичность).

Таблица 6.

Сравнительный наклон кривых	Неоклассическая интерпретация	Наша интерпретация
Кривая спроса имеет более крутой наклон	Расходящаяся модель	Сходящаяся модель
Кривая предложения имеет более крутой наклон	Сходящаяся модель	Расходящаяся модель
Обе кривые имеют примерно одинаковый наклон	Циклическая модель	Циклическая модель

Как видим, почти все с точностью до наоборот. Обычно, когда лектора спрашивают о том, какая из паутинообразных моделей наиболее часто встречается в реальной экономике, чаще всего следует ответ: *«Конечно же, когда эластичность спроса больше эластичности предложения и кривая предложения имеет более крутой наклон. Это соответствует сходящейся модели»*. Но, если следовать этой логике и нашим уточнениям, то вполне вероятно, что преобладать как раз будет расходящаяся модель. Правда, ни подтвердить, ни опровергнуть это невозможно, поскольку инфляция и сдвиги кривых не дают возможности получить адекватные наблюдения. Но в теоретической постановке мы получаем совершенно иной результат.

Значит, даже в наиболее благоприятной для классиков и неоклассиков ситуации “чистого эквilibriumа” совершенно не факт, что это самое равновесие будет все же достигнуто.

Второй случай, который мы рассмотрим, вообще является головной болью всех экономистов, имеющих дело с проблемами ценообразования. В конце концов, неважно сходятся или расходятся модели, есть или нет колебательные движения, по крайней мере, это все подчинено какой-то логике. Но что вы скажете о ситуации, когда цены складываются *“во многом хаотически, под влиянием большого количества случайных факторов”*?¹³ Я в данном случае привел мнение одного из участников арт-рынка, конечно, очень специфичного по своей природе. Но то же самое можно сказать и о некоторых сегментах рынка недвижимости. Также в эту категорию попадают: кино, театр и вообще многие массовые зрелища. Из более приземленных профессий сюда можно отнести врачебные, юридические и консалтинговые услуги. Словом, этот сегмент не так мал, как может

¹³Б.А. Денисов «Нетрадиционный бизнес. Очерки для непосвященных», Москва, Российский экономический журнал, 1997 г. стр. 81.

показаться. «Хаотическое» ценообразование наступает при следующем положении кривых спроса и предложения.

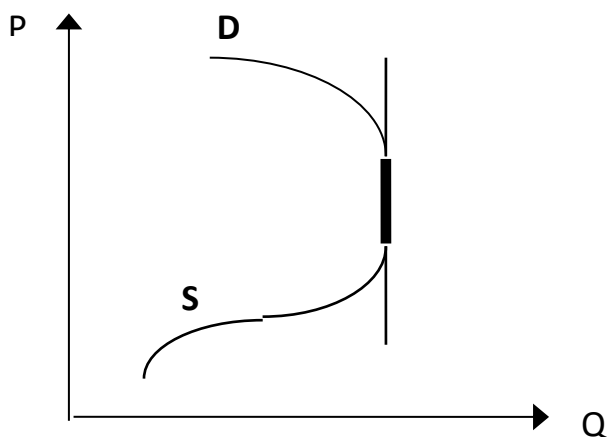

Рис. 12

Красиво изобразить это довольно трудно, но общий смысл, думаю, понятен: кривые спроса и предложения пересекаются в своей неэластичной части. Жирной чертой на графике выделена область пересечения, внутри которой цена может принять любое из значений. Отсюда, кстати, и вся хаотичность. Поскольку и количество спроса, и количество предложения максимально, то любое изменение в их структуре (сдвиг одной из кривых вправо или влево) влечет за собой кризис и разбалансированность системы. Если посмотреть ретроспективу на арт-рынке и рынке недвижимости, то легко можно заметить периодические их коллапсы, сменяющиеся периодом бурного роста и острого “товарного” дефицита. В первом случае происходит отрицательный шок спроса, а во втором - положительный. Специфика этих рынков состоит также в том, что быстро расширить предложение предметов антиквариата (не считая, конечно, подделок под работы старых мастеров) и зданий с видом на Красную площадь невозможно. Плюс к тому, контингент покупателей достаточно стабилен и невелик. Поэтому, кривые спроса и предложения на эти товары можно выразить просто вертикальными линиями. Если они совпадают, то рынок есть и на нем идут сделки. Если же по каким-то причинам они не совпадают, то рынка по большому счету нет. И, следовательно, весьма проблематично в этой ситуации говорить о равновесии на рынке.

Третий возможный вариант равновесия условно можно назвать “черствый производитель”, или “мертвый эквilibриум”.

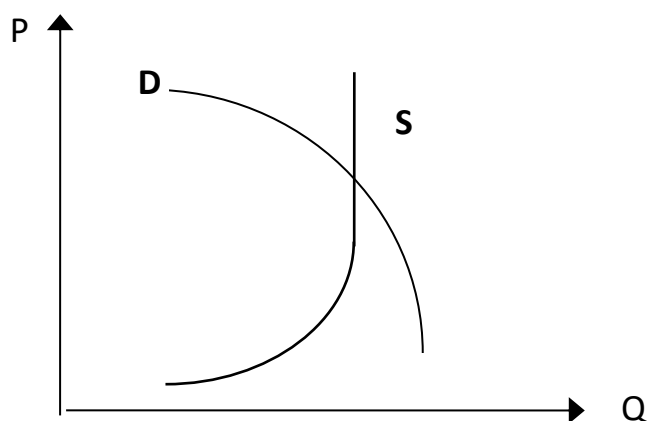

Рис. 13

Особо комментировать в данном варианте почти нечего. Производство находится на максимально возможном потенциале (заветная мечта Кейнса), и все попытки потребителей отойти от точки равновесия оканчиваются неудачно. Пожалуй, это единственный случай, в котором автор, несмотря на предвзятое отношение к концепции равновесия, вынужден наглухо заткнуться и признать ее правоту.

Ну и наконец, **четвертый случай**. Он называется “упорный потребитель” и выглядит примерно так:

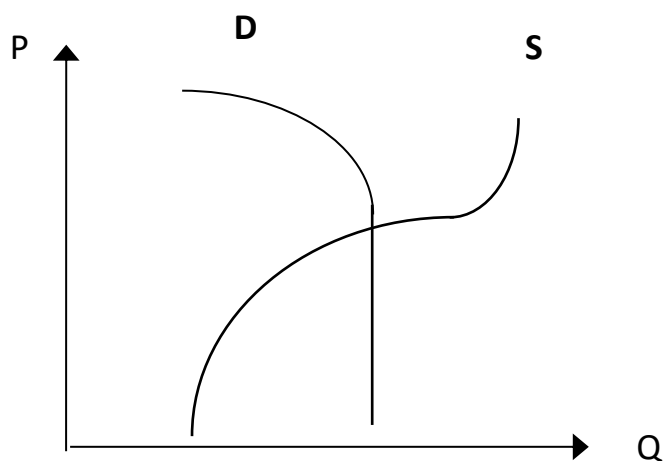

Рис. 14

На первый взгляд, это сущий рай для продавца – можно поднимать цену, и спрос при этом очень долго не будет снижаться. Но есть и опасность – рано или поздно жадность производителей приводит к тому, что они

«заигрываются»), неправильно оценивают риски и в конечном итоге это приводит к кризису перепроизводства, которые устойчиво наблюдаются в экономике, по крайней мере, с начала XIX века. Впрочем, о кризисах мы поговорим несколько позднее.

Сейчас же давайте подведем итоги.

1.1.4. Резюме по неоклассике.

Мы смогли, не выходя за рамки принятого в неоклассике понятийного аппарата опровергнуть ключевые выводы, которые сегодня являются едва ли не краеугольным камнем господствующей экономической идеологии. Очевидно, что концепция равновесия в ее упрощенной интерпретации (по «экономиксу») неадекватно отражает действительность.

На деле:

- равновесное состояние рынка не является ни «естественным», ни «желаемым», ни каким-либо образом предопределенным.
- равновесие – это всего лишь одно из возможных состояний системы. Рынок не всегда и не обязательно стремится к равновесию, даже при соблюдении условий совершенной конкуренции.
- существование нестабильных и циклических рынков может быть объяснено в рамках неоклассической модели и не требует создания специальных теорий и концепций.

Иными словами, органическим пороком современной неоклассики является не теория как таковая, а некорректные её интерпретации.

Вместе с тем, неправильно будет утверждать, что подобные проблемы свойственны только для неоклассической школы. У марксистов дела обстоят ничуть не лучше. Давайте вместе убедимся в этом.

1.2. Марксизм: на ухабах взаимодействия базиса и надстройки.

Марксизм относится к числу тех явлений, которые я лично чем больше изучаю, тем меньше понимаю. Например, попытка коротко описать основные положения марксистской политической экономии на основании краткого пересказа преподавателей давалась мне достаточно легко¹⁴. Но когда пришлось прочесть первоисточники («Капитал» и особенно работы Энгельса), и глубже погрузиться в сопутствующий исторический контекст, вся ясность и стройность куда-то улетучилась. Безусловно, основы учения: трудовая теория стоимости, концепции капитала, прибавочной стоимости и классовой борьбы остались незыблемы. Но, откровенно говоря, даже там находится достаточно большое количество внутренних нестыковок и противоречий. Рассмотрим это подробнее.

1.2.1. Краткое изложение марксистского политэкономического канона.

Марксистская политэкономия является наследником классической школы, в первую очередь – в части трудовой теории стоимости. Уильям Петти в середине XVII века в «Трактате о налогах и сборах»¹⁵ заложил основы понимания таких понятий как стоимость, прибавочная стоимость и, по сути, впервые сформулировал основные положения трудовой теории стоимости. В дальнейшем Адам Смит в «Богатстве народов»¹⁶, Риккардо в «Началах политической экономии и налогообложения»¹⁷, а затем уже Маркс в «Капитале»¹⁸ доработал трудовую теорию стоимости. Ниже кратко суммированы основные постулаты трудовой теории стоимости и основные выводы, которые делает из нее марксистская школа.

Основные положения трудовой теории стоимости:¹⁹

№1. Разнородные продукты рыночного обмена имеют одинаковое внутреннее содержание – стоимость. Поэтому они могут приравняться друг к другу в определенной меновой пропорции.

¹⁴ Необходимое пояснение для читателей, не заставших времена СССР: идеи Маркса и Энгельса в обязательном порядке учили, начиная со старших классов школы. Разумеется, в школах они преподавались в минимальном объеме и крайне упрощенной форме.

¹⁵ [Источник](#)

¹⁶ Источники: [1](#) и [2](#)

¹⁷ [Источник](#)

¹⁸ [Источник](#)

¹⁹ Приводится по: «Трудовая теория стоимости. Материалы кафедры экономической теории Санкт-Петербургской государственной инженерно-экономической академии» 1998 год.

№2. Стоимость всех товаров создается общественным трудом товаропроизводителей. Этот труд является общественным потому, что изготовитель рыночного продукта работает не на себя, а создает полезную вещь для других членов общества. Стало быть, стоимость – воплощенный в товаре общественный труд. А равенство продуктов по их стоимости означает, что в них заключено одинаковое количество труда.

№3. Сам труд, образующий стоимость, различается по его сложности или качеству. Можно выделить простой (требующий наименьшей подготовки) и сложный (квалифицированный) труд. На последний предварительно затрачиваются время, усилия человека, чтобы приобрести нужные трудовые навыки и знания. Поэтому 1 ч. сложного труда непосредственно не равен 1 ч. простого труда. Однако при обмене вещей происходит так называемая редукция труда: 1 ч. сложного труда сводится к нескольким часам простого труда.

№4. Труд имеет внутреннее мерило – рабочее время. Если труд является одинаковым по качеству, то он количественно измеряется протяженностью во времени.

Основные выводы, сделанные Марксом из трудовой теории стоимости:

А) Капиталист покупает не труд, а «рабочую силу» пролетария, заставляя пролетария трудиться на производстве значительно больше времени, чем требуется для возмещения стоимости его рабочей силы. Весь результат этого добавочного рабочего времени капиталист безвозмездно присваивает (т.н. «прибавочная стоимость»).

Б) Интересы буржуа и пролетариев диаметрально противоположны и нет никакой возможности примирить их в рамках капиталистической системы. Которая постоянно делит общество на собственников средств производства, покупающих и эксплуатирующих чужую рабочую силу, и пролетариев, у которых нет ничего кроме этой рабочей силы, которую они вынуждены постоянно продавать, чтобы не умереть с голоду.

В) В процессе накопления капитала постоянно возрастает та его часть, которая представлена «прошлым трудом», т.е. для производства товаров требуется все больше машин, механизмов, технологических линий и все меньше живого человеческого труда (т.н. «рост органического строения капитала»). Это приводит к следующим последствиям:

- во-первых, происходит концентрация капитала и производства в руках немногочисленной верхушки общества, которая несказанно обогащается на фоне обнищания многочисленного большинства;
- во-вторых, снижается потребность в живом труде, а значит, растет число безработных, не имеющих средств к существованию;
- в-третьих, постепенно снижается норма прибыли на применяемый капитал, ибо новая стоимость создается только живым трудом, а его требуется все меньше и меньше.

Итог этого процесса, как считал Маркс, будет печальным для буржуазии и капиталистического строя: неизбежно произойдет гибель капитализма.

"Вместе с уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и над ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют" ("Капитал", т. 1, стр. 766).

1.2.2. «Критика критической критики».

Первая совместная работа Маркса и Энгельса вышла в 1844 году и называлась «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». Случайно или нет, но вся последующая история марксизма проходит под знаком непрерывных критических баталий. Это и не удивительно – уж слишком громким вышел резонанс от высказанных идей. Недостатка как в апологетике, так и в критических стрелах за прошедшие 150 лет, разумеется, не было.

Но если подходить максимально конструктивно и сосредоточиться сугубо политэкономических соображениях, то можно сформулировать два основных недостатка трудовой теории стоимости.

Недостаток первый: *невозможность объективного измерения прибавочной стоимости.*²⁰ Соответственно - невозможность проверки целого ряда гипотез, выдвинутых Марксом: действительно ли перетекает ли капитал между отраслями с выравниванием нормы прибыли, всегда ли растет ли с ростом масштабов производства получаемая эксплуататорами прибавочная стоимость и т.д. и т.п. То есть модель остается сугубо умозрительной – в нее можно верить или не верить, но корректно проверить невозможно.²¹

Недостаток второй: на выводы Маркса и Энгельса *слишком сильное влияние оказывал текущий исторический момент.* Это ни в коем случае нельзя ставить им в вину: XIX век в истории современной цивилизации действительно выдался бурным. Регулярные социальные революции, возникновение новых социальных групп (классов), циклические экономические кризисы, неадекватность многих управленческих решений – всё это прежде не наблюдалось и невольно приводило к мысли о том, что конец капитализма будет близким и драматичным. Но оказалось, что экономическая система все же не является столь жесткой и способна трансформироваться не только революционным путем.

Поэтому не только историческая концепция, но и трудовая теория стоимости нуждается в некоторых уточнениях. Ключевые приведены ниже в таблице.

Таблица 7

Аргументация Маркса	Контраргументы
<p><u>Вывод №1.</u> Капиталист покупает не труд, а «рабочую силу» пролетария, заставляя пролетария трудиться на производстве значительно больше времени, чем требуется для возмещения стоимости его рабочей силы. Весь результат этого добавочного рабочего времени капиталист безвозмездно присваивает.</p>	<p><u>Контраргумент.</u> Капиталисту все равно что присваивать – результаты труда рабочего или капиталы конкурента. Более того, если присвоение осуществляется в результате войны, угнетенные классы победившей стороны тоже получают свою долю добычи. Тем самым в присвоении накопленной прибавочной стоимости участвует так или иначе всё общество.</p>

²⁰ И, добавлю, принципиальная неизмеримость абстрактного труда, на котором эта стоимость и базируется

²¹ Вернее сказать, все попытки проверить идеи Маркса на основе статистических данных ни к чему не привели. Поэтому было высказано утверждение, что прибавочная стоимость – это не прибыль, не добавленная стоимость и вообще не бухгалтерское понятие. Для правды в этом есть, но вообще одновременно это и операция по спасению репутации марксистской теории.

Аргументация Маркса	Контраргументы
<p><u>Вывод №2.</u></p> <p>Интересы буржуа и пролетариев диаметрально противоположны и нет никакой возможности примирить их в рамках капиталистической системы.</p>	<p><u>Контраргумент.</u></p> <p>Есть смысл вспомнить Давида Рикардо и его теорию сравнительных преимуществ, где говорится, что за счет разделения труда и специализации в мировой экономике выигрывают все, поскольку повышается общий уровень производства и, следовательно, благосостояния общества. Соответственно, специализация выгодна как буржуа, так и пролетариям, хотя и здесь львиную долю выгод получают господствующие классы.</p>
<p><u>Вывод №3.</u></p> <p>Последствия «роста органического строения капитала»</p>	<p><u>Контраргументы:</u></p> <p>Ситуация, описанная Марксом, неизбежно возникает, если экономическая система замкнута и в ней не происходит значимого роста: когда производству некуда расширяться, а высвобождаемая рабочая сила не может быть переориентирована на другую деятельность (например, службу в армии, полиции и т.д.)</p> <p>В любом другом случае описанные Марксом последствия могут быть смягчены или вовсе устранены.</p>
<p>во-первых, происходит концентрация капитала и производства в руках немногочисленной верхушки общества, которая несказанно обогащается на фоне обнищания многочисленного большинства</p>	<p>Если то или иное государство сможет получить преимущества над другими путем насилия, или обогнать их в своем технологическом развитии другие государства, то обеспечивается рост производства и широкому кругу экономических агентов в этом государстве удастся повышать свое благосостояние за счет других социумов или государств.</p>
<p>во-вторых, снижается потребность в живом труде, а значит, растет число безработных, не имеющих средств к существованию</p>	

Аргументация Маркса	Контраргументы
<p>в-третьих, постепенно снижается норма прибыли на применяемый капитал, ибо новая стоимость создается только живым трудом, а его требуется все меньше и меньше</p>	<p>В этом случае:</p> <ul style="list-style-type: none"> • вместо обнищания масс в «передовом» государстве может иметь место рост благосостояния; • потребность в живом труде не снижается или снижается крайне медленно; • норма прибыли также не снижается или снижается крайне медленно. <p>Негативные эффекты, описанные Марксом, переносятся с населения «передовых» на населения «отсталых» государств.</p>

Парадоксальным образом оказывается, что марксистская политэкономия игнорирует важные положения классической теории, сформулированные Смитом и Рикардо, а также по ряду существенных вопросов противоречит марксистскому же пониманию социальной истории.

1.2.3. О «материалистическом понимании истории» и взаимоотношении «базиса» и «надстройки».

Несомненной заслугой марксизма является попытка описать и объяснить историю развития человечества через экономические отношения («материалистическое понимание истории»). Это само по себе имело огромную ценность для развития социальных наук, но, к сожалению, можно сказать, что «при родах младенца уронили», и в результате его дальнейшая жизнь изобиловала серьезными проблемами. Впрочем, обо всем по порядку.

В упрощенном виде концепция материалистического понимания истории может быть представлена в виде следующей логической схемы²²:

«— Основу истории, или общества, составляет гражданское общество, образуемое процессом производства и порожденной им формой общения;

— это основание определяется материальным производством непосредственной жизни, трудовым отношением, разделением труда;

²²[История философии: Учебник для вузов](#) (под ред. Кохановского В. П., Яковлева В. П.) Изд. 2-е. 2002 г.

— центральное место в общественно-производственном организме занимают отношения собственности и соответствующие им отношения распределения, в основе которых лежит разделение труда;

— на этой основе вырастают классовые отношения;

— обусловленное классовым расслоением, возникает государство, а вместе с ним — различные правовые формы;

— наконец, на основе производства и форм общения необходимо проследить возникновение различных форм сознания.

Итак, история человеческого общества — естественно-исторический процесс. Законы истории объективны. И главный из них — в том, что «ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточного простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества».

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7».

Все хорошо и логично за исключением одного момента: почему только классы? Ведь отношения по поводу собственности и ее перераспределения могут воплощаться не только в классовых отношениях, но и в отношениях между государствами, национальными, религиозными и любыми другими социальными группами. При этом, экономические цели его участники будут преследовать ровно те же самые. Здравый смысл и, кстати говоря, материалистическая диалектика подсказывает, что экономические интересы и способ их реализации (включая классовую борьбу) соотносятся как содержание и форма. Более того, Энгельс в "Анти-Дюринге", критикуя «теорию насилия» прямо говорит «насилие есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода».²³

Иными словами, классовая борьба, также, как и любая другая форма насилия должна была бы рассматриваться всего лишь одно из возможных средств достижения целей. Но получилось так, что отцы-основатели марксизма и большинство их ортодоксальных последователей объявили её главным и чуть ли не единственным способом реализации общественных отношений, вне зависимости от конкретно-исторических условий. Что, в общем-то, и есть главная логическая ошибка.

²³Энгельс Ф. «Анти-Дюринг». Цитируется [по источнику](#)

Да, классовая борьба очень важна и возможно в условиях XVIII - XIX веков до некоторой степени правомерно сводить сущность исторического процесса преимущественно к классовой борьбе, хотя, я бы всё равно это делал с массой оговорок.

Но, например, в таких событиях как Великое переселение народов, Арабское завоевание, Реконкиста, Крестовые походы, Альбигойские войны, классовые отношения не играли первой скрипки. Классовая структура общества в результате перераспределения природных ресурсов и материальных благ сильно не менялась, зато не в пример сильнее менялись сами государства, собственники, а также – общее благосостояние победителей и побежденных: от королей до крестьян. Иными словами, *одному «базису» могло соответствовать несколько десятков если не сотен вариантов «надстроек»*, которые вполне способны существовать одновременно и не только конфликтовать между собой, но и конструктивно взаимодействовать. Что, кстати, довольно легко было проследить в тот период на примере родины «бородатых классиков» Германии, но почему-то Маркс этому не уделил должного внимания: наверное, была интереснее Англия.²⁴ Не говоря уже о Австро-Венгрии, России, или странах Азии²⁵: их ни Маркс, ни Энгельс всерьез не рассматривали,²⁶ а в отношении России зачастую несли лютейший бред, способный составить конкуренцию книге маркиза де Кюстина. Можно вспомнить в этой связи любимую цитату всех ненавистников Маркса из книги [«Тайная дипломатия 18 века»](#) (1857):

«Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала виртуозной в искусстве рабства. Даже после

²⁴ Сильно удивляться данному факту я бы правда не стал: Маркс с 1849 до самой смерти в 1883 году жил в Лондоне, да и в экономических исследованиях ориентировался на передовой опыт, который тогда был сосредоточен в Англии. Собственно, данная традиция сохранилась и поныне: огромное количество исследователей-международников изучают сегодня США и ЕС, добавляя к ним Китай, а, например, Индию, Иран и другие весьма интересные национальные экономики пользуются значительно меньшей популярностью.

²⁵ Для которых Марксу пришлось придумать название «азиатский способ производства», ибо в разработанные им схемы общественно-экономических формаций ни Китай, ни Индия решительно не укладывались.

²⁶ Маркс в своем письме к Вере Засулич от 8 марта 1881 года пишет буквально следующее: *«Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю: "В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является экспроприация земледельцев. Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути" ("Капитал", франц. изд., стр. 315). Следовательно, "историческая неизбежность" этого процесса точно ограничена странами Западной Европы. [Источник](#) Как видим, тут нет претензий на «всемирно-историческое значение» и тем более ни малейшего намека на то, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно»: это всё появляется потом, начиная с Ленина и заканчивая сталинским «Кратким курсом истории ВКПб».*

своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира».

Да и надо признать, что вся цитируемая работа целиком довольно поверхностная и тенденциозная. Даже делая скидку на личную неприязнь и текущий политический момент (к тому времени только что закончилась Крымская война), приходится признать, что провозгласить важность исторического подхода для анализа экономических процессов и явлений – одно, а действительно следовать ему – совсем другое. К чести Маркса надо заметить, что в письме Вере Засулич от 8 марта 1881 года он прямо говорит о том, что:

«В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основой всего этого процесса является экспроприация земледельцев. Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» («Капитал», франц. изд., стр. 315).

*Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса **точно ограничена странами Западной Европы**»²⁷*

То есть, тезис о том, что учение «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно», сформулированный Лениным в 1913 году²⁸ был прежде всего полемический прием, который, тем не менее, стал полноценным идеологическим императивом, заставлявший исследователей марксистской школы везде искать признаки, идентифицированный Марксом в Западной Европе XIX века, прежде всего на базе анализа экономик Британской империи и Франции. Что, в общем, является зеркальным отражением ситуации, которую мы разбирали выше в неоклассике. Та же участь постигла и марксистскую социальную теорию, и исторический материализм: при едва ли не безупречной внутренней логике пара некорректных обобщений сводит на нет большую часть полученных результатов. Разберем это на примере рабства как общественно-экономической формации.

²⁷ Выделено мною. [Приводится по источнику](#)

²⁸ В.И. Ленин «[Три источника и три составные части марксизма](#)» 1913 год. Источник: Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС — 5-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1973. — Т. 23. Март ~ сентябрь 1913. — С. 40—48.

1.2.4. К вопросу об идентификации и смене общественно-экономических формаций.

Вопреки распространенному мнению, завершённой теории общественно-экономических формаций Маркс также не сформулировал. В работе «К критике политической экономии» (1859) он выделил «прогрессивные эпохи экономической общественной формации», которые определялись по общественным способам производства, в числе которых были названы азиатский, античный (рабовладельческий), феодальный и капиталистический. И уже только в советское время трудами В. В. Струве и других специалистов общественно-экономические формации приняли привычный вид:

- первобытнообщинная;
- рабовладельческая;
- феодальная;
- капиталистическая;
- коммунистическая.

Причем, у советских историков возникла серьезная головная боль по поводу того, как непротиворечиво объяснить логику Маркса. В частности В. П. Илюшечкин отмечал, что с одной стороны Маркс (вслед за Гегелем и Сен-Симоном) определял общественно-экономические формации по форме собственности, но с другой стороны в случае с капитализмом он отошел от этого правила и выделял данную формацию по степени развития производительных сил общества.

«Трудно сказать, — отмечал Илюшечкин, — чем он [Маркс] руководствовался, допуская такую несуразность»²⁹.

Это замечание само по себе о многом говорит, но даже если мы пока оставим капитализм и обратимся к вроде бы безупречной и теоретической проработанной рабовладельческой формации, нас все равно будет поджидать немало открытий. Маркс и Энгельс выделяли в истории человечества т.н. «рабовладельческий строй», при котором, по их мнению, рабство было преобладающей формой классовой эксплуатации. В частности, в «Анти-Дюринге» Энгельс пишет об этом так:

«До того времени не знали, что делать с военнопленными, и потому их попросту убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени “хозяйственного положения”

²⁹ Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. стр. 98

военнопленные приобретали известную стоимость; их начали, поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их трудом...

Рабство было открыто. Оно вскоре сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины»³⁰

Маркс в свою очередь, выделял три основных вида рабства:

- 1) рабство при родовом строе, или «патриархальное» рабство,
- 2) античное, которое считалось высшей формой развития рабовладельческого строя, эталоном рабовладения
- 3) наконец, плантационное американское рабство, которое, как и все прочие случаи рабовладения в Средневековье и в Новое время классики марксизма полагали своего рода пережитком прошлого, сдерживающим развитие общества.

Краткое описание рабовладельческого способа производства в современном марксистском изложении выглядит следующим образом³¹:

- Рабовладельческий способ производства предполагал собственность рабовладельцев не только на все вещественные условия производства (землю, орудия и предметы труда), но и на самого производителя — раба. Весь производимый продукт являлся собственностью рабовладельцев. Из общей массы созданных продуктов на долю рабов выделялась некая часть, едва достаточная для полуголодного существования. Рабочая сила рабов быстро истощалась.
- Раб считался вещью, а не личностью. В древнем Риме раба называли «говорящим» орудием в отличие от «мычащих» орудий и неодушевленных орудий труда. Раб совершенно не был заинтересован в результатах своего труда. Он не имел никаких материальных стимулов к труду, к повышению его производительности. Он трудился только потому, что его к этому принуждали.
- Специфический способ соединения средств производства с рабочей силой в условиях рабовладения — прямое насильственное принуждение работника к труду. Рабство было первой в истории и самой грубой формой эксплуатации.
- Кроме рабовладельческого производства, основанного на труде рабов, существовало производство свободных крестьян и ремесленников, которое в первый период существования рабовладельческого общества

³⁰ Энгельс Ф., см. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 20, с. 185

³¹ [Источник](#)

играло большую роль в общественном производстве. Вместе с тем в древних обществах существовали формы эксплуатации, основанные на экономической зависимости (ростовщичество, аренда, наём работников и т. д.).

- По мере развития рабовладельческого способа производства, это мелкое производство ремесленников и крестьян хирело, разорялось. Одни свободные крестьяне и ремесленники попадали в долговую кабалу и превращались в рабов, другие пополняли ряды нищенствующих слоёв городского населения — античного люмпен-пролетариата.

Акцентируем свое внимание на последнем утверждении. Если свободные крестьяне и ремесленники постепенно превращались либо в рабов, либо в люмпен-пролетариат, то со временем количество рабов должно было стать довольно большим. Например, как на Гаити к началу Гаитянской революции 1791 года³² было 68 тысяч свободного населения (из них 40 тысяч белых) и около 500 тысяч рабов. То есть на одного свободного приходилось более семи рабов. Правда, уже в 1805 году ни одного белого в живых на острове не осталось. Тем не менее, Гаити до 1791 года представляло собой вроде бы классическое рабовладельческое общество. Пережиток былой эпохи, как могло бы показаться Марксу и Энгельсу.

Но так ли действительно было в древности? Прямых данных о соотношении числа свободных и рабов сохранилось крайне немного. На этот счет мы почти ничего не знаем о Древнем Египте, Междуречье, Вавилоне, Эламе и других государствах Ближнего Востока. Лучше обстоит дело с Древней Грецией – сохранились источники, которые, в частности, позволили Марксу и Энгельсу сформировать концепцию рабовладельческого общества, где количество рабов существенно превышало количество свободных жителей.

«Ко времени наивысшего расцвета Афин общее количество свободных граждан, включая женщин и детей, составляло приблизительно 90000 человек, а рабов обоего пола насчитывалось 365000 и состоявших под покровительством - чужеземцев и вольноотпущенников – 45000»³³

³² [Источник](#)

³³ Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Цитируется по [источнику](#). Альтернативные подсчеты дают несколько другие пропорции (см. например [здесь](#)), но в целом число рабов в Аттике всеми исследователями признается достаточно высоким – от 30 до 75% от всего населения.

Соотношение, правда, не 1 к 7, а чуть пониже - 1 к 4, но это уже детали. Но вот здесь Маркс и Энгельс делают ключевую ошибку: *они приравнивают Грецию и Рим*, тем самым полагая, что в Римской Империи ситуация была ровно такой же как в Афинах.

Хотя население Римской империи в эпоху расцвета составляло никак не менее 55 млн. человек³⁴ и существование на огромной территории, к примеру, 40 миллионов рабов просто нереально. Их просто невозможно было бы содержать в неволе в таком количестве. Для сравнения, даже в более поздние исторические эпохи и при более развитых технологиях принуждения и контроля численность людей, занимающихся принудительным трудом, никогда не была столь высокой. Например:

- в Конфедеративных Штатах Америки согласно первой переписи населения в 1790 году количество рабов составило 697 681 человек при общей численности населения в 3 929 326 человек³⁵, или примерно 17,7%.
- количество оstarбайтеров, угнанных в Германию из СССР и других стран Восточной Европы к лету 1944 года составило 7,6 млн. человек, или примерно 10% от всего населения Германии. При этом, оstarбайтеры представляли собой приблизительно четверть всей экономической и производительной мощности Германии того времени. И использовались во всех отраслях, начиная от гигантов индустрии и бизнеса³⁶ и заканчивая мелкими лавочками и даже частными домовладениями.

На небольших территориях, где располагалась невольничьи рынки (как в Афинах), или где были естественные преграды, препятствующие бегству (как в Гаити) действительно есть техническая возможность содержать и эксплуатировать большое в процентном отношении количество рабов. Но не в условиях Римской империи. Приравнять в этом отношении Афины и Рим – это все равно, что Гонконг и Китай. Цивилизационно и культурно, они, безусловно, едины, но это совершенно не значит, что плотность застройки небоскребами во всем Китае точно такая же, как в Гонконге. Однако, Маркс и Энгельс именно это и делают. Вследствие этого нарушается один из

³⁴ Точные данные неизвестны, историки дают оценки от 55 до 120 миллионов человек на середину II века н. э., но исходя из принципа максимальной осторожности, я более склоняюсь к нижней границе

³⁵ Данные не вполне полные, так как результаты переписи для штатов Делавэр, Джорджия, Нью-Джерси и Виргиния были утеряны где-то между 1790 и 1830 годами. Но принципиально я полагаю общую картину они исказить не могли бы.

³⁶ Зафиксировано использование оstarбайтеров на 200 крупнейших предприятиях, в том числе Daimler-Benz, Deutsche Bank, Siemens-Schuckertwerke, Volkswagen, Hoechst, Dresdner Bank, Krupp, Allianz, BASF, Bayer, BMW, Degussa и т.д.

основополагающих принципов марксистского метода – неверно идентифицирован базис. И отсюда неизбежно проистекают все дальнейшие ошибки и заблуждения. Если говорить о действительном количестве рабов в Римской Республике, а затем и Империи, то специалисты всегда серьезно расходились в оценках, но они в любом случае были ниже. Так, например:

- французский историк XIX в. Валлон считал, что соотношение рабов и свободных в Италии II—I вв. до н. э. было 1 к 1, т. е. 50% рабов и 50% свободных³⁷.
- Немецкий историк конца XIX — начала XX в. Белох определял это соотношение как 3 к 5 (37,5% рабов и 62,5% свободных).
- Американский историк первой половины XX века Уэстерман полагал, что соотношение между рабами и свободными было 1 к 2 (33% рабов и 67% свободных).

Но многие исследователи идут еще дальше. Существует точка зрения, что за пределами провинции Италия рабство вообще не было распространено: рабов было очень мало, и они не играли практически никакой роли в экономической и социальной жизни. Так, русский (а впоследствии после революции - американский) историк М.И. Ростовцев указывает на то, что в подавляющем большинстве провинций, за исключением Италии, Сицилии и некоторых областей Испании, рабов практически не было или они были в незначительном количестве³⁸. Ему вторит французский историк А. Гренье, но уже в отношении Римской Галлии³⁹. Наиболее взвешенной в этом отношении представляется позиция американского исследователя Б. Харви⁴⁰, который оценил на 160 год н.э. (это самая середина «Золотого века Антонинов») количество рабов в 11 млн. человек при общей численности населения империи в 65 миллионов человек. То есть общее количество рабов составляла примерно 17% от общей численности населения. Из этих 11 миллионов четыре находилось в городах и трудилось, как сейчас сказали бы «в сфере услуг»: от дворников и смотрителей водопроводов до артистов, скульпторов, а также писцов, поэтов, банкиров (!) и прочих профессий, которые как-то не вполне вяжутся с классическим представлением об античном рабовладении.⁴¹

³⁷ Валлон А. История рабства в античном мире. Смоленск, 2005, с.345

³⁸ Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи. С-Петербург, 2000, т. 1, с. 212-226 (на Балканах и в Придунайских провинциях); т. 2, с. 5-35 (в Египте, Сирии и Малой Азии); т. 2, с. 54-58 (в Римской Африке)

³⁹ A.Grenier. La Gaule Romaine. In: Economic Survey of Ancient Rome. Baltimore, 1937, Vol. III, p. 590

⁴⁰ Professor Brian K. Harvey, Roman History, Fall, 2005. На русском языке основные цифры приведен [здесь](#)

⁴¹ В работе нидерландского исследователя XVII века Т. Помпы Titi Pompaе Phrysii de operis servorum liber» (1672) перечислено 146 видов деятельности, осуществлявшихся рабами. В их числе не только традиционное

Количество же рабов, которые находились действительно в отчаянном положении и были заняты на самых тяжелых работах (сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых и драгметаллов, каменоломни, строительство и т.д.) составляло 7 млн. человек.

А самым многочисленным классом, по мнению Харви, были лично свободные, но чаще всего безземельные сельхозпроизводители, число которых он оценивает в 43 млн. человек⁴². Вполне понятно, что количество рабов во времена успешных завоевательных походов могло быть значительно больше, но думаю, даже в такие пиковые периоды число рабов никак не могло в 3-4 раза превышать количество свободного населения.

Подведем итог. Каковы основные следствия описываемой коллизии? Во-первых, рассыпается сама концепция «рабовладельческого строя». Да рабы в древности были, играли важную роль в экономике, но далеко не определяющую. Все же основная часть производства лежала на плечах не рабов, а лично свободных крестьян и ремесленников. Во-вторых, становится проблематичным объяснить смену рабовладельческой формации на феодальную. Энгельс трактуют такую смену следующим образом:

«Рабство — там, где оно является господствующей формой производства, — превращает труд в рабскую деятельность, т. е. в занятие, бесчестящее свободных людей. Тем самым закрывается выход из подобного способа производства, между тем как, с другой стороны, для более развитого производства рабство является помехой, устранение которой становится настоящей необходимостью. Всякое основанное на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его совершается в большинстве случаев путем насильственного порабощения гибнущего общества другим, более сильным (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, имеют своей основой

сельское хозяйство, каменоломни и домашняя прислуга, но и артисты, скульпторы, образованные рабы (litterati) – писатели, поэты, писцы и счетоводы, на подготовку которых тратились большие суммы (напр. Крассом, Аттиком), и которых потом сдавали в аренду. Рабами могли быть банкиры, менялы, ростовщики, которые имели право заниматься своим делом не от своего имени, а от имени и в интересах своего господина. Интересно, что внешне городские рабы в эпоху расцвета Империи ничем не отличались от свободных граждан. Они носили ту же одежду, в свободное время ходили в термы, театры, на стадионы. Вначале, рабы имели специальные ошейники с именем владельца, которые были быстро отменены. Сенат даже вынес на этот счет специальное положение, смысл которого был в том, чтобы «рабы не выделялись среди граждан, чтобы они (рабы) не видели и не знали, как их много»

⁴² Из которых только 3 млн. человек имели землю в собственности, а остальные трудились на чужой земле (арендованной или по найму)

рабский труд, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на более высокой ступени, пока наконец (Рим) не происходит завоевание таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства. Либо же рабство отменяется насильственно или добровольно, и в таком случае прежний способ производства гибнет: место крупных плантаций занимает парцеллярное хозяйство скваттеров, как в Америке»

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т 20, с. 643.

На практике, с падением рабовладельческих империй рабство хоть и сокращается в относительном выражении, но полностью никуда не исчезает. Примеров тому довольно много, кратко перечислю основные:

- в возникших на территории Римской империи "варварских" государствах (особенно в государстве остготов в Италии и вестготов в Испании), рабство носило массовый характер еще как минимум 200-300 лет, а окончательно сошло на нет только к XIII веку. При этом, во многих городах Средиземноморья, особенно в Венеции и Генуе, широкая торговля рабами (перепродажа их из Турции в Северную Африку) продолжалась до XVI века;
- в Византии слияние рабов с зависимым крестьянством завершилось только в конце XI-XII вв.;
- на Востоке (Китай, Индия, Индокитай) рабство в его патриархальной форме сохранилось вплоть до XIX века;
- в странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки рабство наблюдалось на протяжении всех Средних веков, а кое-где существует и поныне.

Если мы прибавим к этому такие явления как:

- рабство в колониях европейских стран и США до середины XIX века;
- «белую работорговлю», которая процветала в Англии в XVI-XVII веках⁴³ и предшествовала собственно черной работорговле;
- уже упоминавшееся черное рабство и труд узников концлагерей и остарбайтеров во время Второй Мировой Войны в Германии,
- современные масштабы принудительного труда, которые по разным оценкам составляют от 22 до 30 млн. человек⁴⁴

⁴³ См. например [ТУТ](#)

то очевидно, что рабство – это проблема, стоявшая на повестке дня отнюдь не только в античную эпоху. И хотя в классическом, узаконенном виде, оно сегодня практически нигде не встречается, это не означает исчезновения проблемы содержания людей в рабском состоянии вообще. Исследование ООН от 2006 года дает нам следующую неприглядную картину:

По оценкам ООН (доклад под названием "Торговля Людьми: Глобальные Закономерности "Spanafficking in Persons: Global Patterns" был опубликован в 2006 году), людей продают в рабство (похищают, завлекают обманом и т.п.) в 127-ми странах мира, в 137-ми государствах эксплуатируются иностранные жертвы торговцев людьми. В 11-ти государствах отмечен "очень высокий" уровень активности похитителей людей, среди них - Россия, Украина, Беларусь, Молдова и Литва. В Армении, Грузии, Казахстане и Узбекистане этот уровень "высокий". 10 государств являются излюбленным местом переправки современных рабов; в их числе - США, Израиль, Турция, Италия, Япония, Германия, Греция⁴⁵.

Иными словами, рабство никуда не делось. Объяснение тут самое простое: это по-прежнему экономически выгодно. Практически при любом хозяйственном укладе или «общественно-экономической формации» найдутся такие сектора экономики, или конкретные обстоятельства, в которых рабский (или приравненный к нему) труд будет предпочтительней свободного. Более того, отрасли экономики, в которых наиболее часто заняты рабы не слишком изменились. Как правило, это тяжелая неквалифицированная работа в сельском хозяйстве, строительстве, сфере обслуживания (сегодня писателя, скульптора или парикмахера в статусе раба встретить сложно, но зато работников сферы интим услуг хватает).

Иными словами, напрашивается вывод о том, что экономический базис, обуславливающий существование рабства, сохраняется и сегодня. Еще раз процитирую в этой связи Маркса:

«Экономический базис, один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым

⁴⁴ По оценкам Международной организации труда 22 млн. человек на планете сегодня являются жертвами современных форм рабства, а австралийская правозащитная группа Walk Free считает, что таковыми можно признать до 30 млн. человек.

⁴⁵ [Источник](#)

отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»⁴⁶.

Золотые слова! Но почему-то их автор не смог, или не счёл нужным следовать им в своих изысканиях? Мы подробно рассмотрели вопрос о рабовладении, но такие же «сюрпризы» поджидают исследователей наследия Маркса и Энгельса и в вопросе о средневековом ремесленном производстве и во многих других аспектах. Не проявив последовательности и должной тщательности при анализе проблемы насилия, «бородатые классики» в итоге сформировали ошибочный прогноз относительно неизбежного краха капитализма в форме социальной революции. Причем, ошибка была не в том, они не учли что-то из будущего, а в нарушении собственной же методологии.

Кстати говоря, тот факт, что социальный прогноз Маркса на момент написания настоящей монографии не сбылся, вовсе не значит, что капитализм никогда не умрёт – просто «смерть» его скорее всего произойдёт совершенно от другого, и реализуется совсем в других формах, о чём мы ещё обязательно поговорим чуть позднее.

1.2.5. Резюме по марксизму.

Поскольку рассуждения по марксизму получились достаточно объемными, перечислим основные «узкие места» марксистской политэкономии и социальной теории:

- абстрактный труд и прибавочная стоимость, лежащие в основе трудовой теории стоимости на практике не наблюдаемы и не измеримы, что делает невозможным проверку на практике предположений, высказанных Марксом;
- наблюдения и выводы, сделанные Марксом в отношении взаимоотношений «базиса» и «надстройки» и описание их развития, по его же собственному признанию, сделаны на основе анализе истории стран Европы и не учитывают специфику иных стран, в том числе и России. «Всеобщий» характер марксизму был придан уже его идеологическими последователями и не содержит капитального научного обоснования;

⁴⁶ Маркс К, Энгельс Ф Соч 2-е изд, т. 25, ч. II, с. 354

- марксистская концепция последовательной смены «общественно-экономических формаций» выполнена недостаточно добросовестно и содержит явные ошибки, главной из которых является игнорирование принципиальной возможности совместного существования нескольких типов общественно-экономических формаций, множественности хозяйственных укладов и социальных порядков даже в рамках одного государственного образования. Иными словами, игнорируется проблема разнообразия «базиса» и «надстройки» и упускается из виду весь спектр возможных взаимоотношений.

1.3. Главное по «Критике».

Чтобы читатель ненароком не записал автора в конченные мизантропы, считаю своим долгом заметить, что при всех объективных трудностях и недостатках, и неоклассики, и марксисты, и представители большинства других школ серьезно продвинули экономическую науку. Однако, пагубное влияние идеологии и некритичной, догматической интерпретации однажды полученных результатов приводит к тому, что продвижение это получилось несколько хаотичным и бестолковым.

Я рассматриваю это как болезнь роста: несмотря на то, что экономической науке уже 400 лет, она все ещё молода и довольно неопытна. Например, комплексные количественные исследования начались только по окончании второй мировой войны,⁴⁷ а более или менее серьезную математику подключили к делу разве что на рубеже 2000-х годов. С качественными исследованиями, составляющими основу классической политической экономии, как мы увидели выше, тоже не все благополучно.

Но тем интереснее будет указанные проблемы решать. В рамках данной монографии мы вряд ли всерьез замахнемся на модернизацию существующей системы количественных исследований, но вот «кое-то поправить в консерватории», то есть *вернуть политической экономии внутреннюю логику и концептуальную стройность* вполне реально.

Займемся этим в следующих книгах.

⁴⁷ Например, общепринятая сегодня система национальных счетов была внедрена в США в 1929 году, в Западной Европе с 1848 года, в Китае – со середины 1980-х годов, в Восточной Европе и СССР – с конца 1980-х-начала 1990-х годов. Причём, по сей день еще на этом пути остается куча методологических проблем, в том числе с качеством и релевантностью собираемых исходных данных.